

УДК 811.51.512.3
ББК (Ш) 81

Ирина Александровна Ламожалова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: Lamira76@mail.ru

Антропонимические изоглоссы в монгольских языках

Статья посвящена определению антропонимических изоглосс в монгольских языках. Комплексная методологическая база – анализ экстралингвистических основ формирования системы личных имён – позволила выявить зоны на материале антропонимикона бурятского, монгольского, калмыцкого языков. Материалом исследования послужило антропонимическое пространство, представленное в родословных записях монгольских народов.

Выделяются четыре антропонимические зоны (территории, изоглоссы) в монгольских языках: I. Территория, где на протяжении многих веков исповедуют буддизм. Эту зону представляет антропонимическая система собственно монголов, бурят Монголии, монголов аймака Монголжин (на границе Китая и Монголии), система личных имён селенгинских, хоринских, баргузинских бурят. II. Территория (зона) кратковременного распространения буддийского вероучения – антропонимия аларских, боханских бурят Иркутской области. Антропонимикон бурят Присаянья можно отнести в эту зону. III. Калмыцкая антропонимия представляет собой своеобразную систему как исконных личных имён, так и форм имён буддийского происхождения. IV. Зона, где мотивированность номинаций имеет шаманистический характер, а также это зона христианских вкраплений – территория проживания бурят в Иркутской области, кроме указанных во второй зоне.

Ключевые слова: антропонимы, монгольские языки, изоглоссы, экстралингвистические факторы, буддизм.

Irina Alexandrovna Lamozhapova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: Lamira76@mail.ru

Anthroponomical Isoglosses in the Mongolian Languages

The article is dedicated to definition of anthroponomical isoglosses in the Mongolic languages. The comprehensive methodological basis (an analysis of extra-linguistic bases of formation of personal names' system), based on the anthroponymycon of the Buryat, Mongolian, Kalmyk languages, allowed to find out zones. The material of research is the anthroponomical space represented in genealogical records of Mongolian-speaking people.

There are 4 anthroponomical zones (areas, isoglosses) in the Mongolic languages: I. The area where during many centuries Buddhism is confessed. This zone is represented by the anthroponomical system of Mongols themselves, Buryats of Mongolia, Mongols of Mongoljin aimag (on the border of China and Mongolia), the system of personal names of Selenga Buryats, Khori Buryats, Barguzin Buryats. II. The area (zone) of short-term spread of Buddhism school- anthroponym of Alar Buryats, Bokhan Buryats of Irkutsk area. The anthroponymicon of Buryats who live in the area of Sayan Mountains can be also referred to this zone. III. the Kalmyk anthroponym can be described as a peculiar system of original personal names and forms of names with Buddhism background. IV. The zone where the motivation to give names is based on Shamanism and also is based on Christianity – that is the territory of Buryats' residence in Irkutsk area except that Buryats who were denoted in the second zone.

Keywords: anthroponym, Mongolic languages, isoglosses, extralinguistic factors, Buddhism.

В основе формирования антропонимических систем монгольских народов лежат историческое расселение, религиозное

воззрение, распространение грамотности и другие экстралингвистические факторы. Важное историческое событие – принятие,

распространение, следование буддийскому вероучению – выступает главным экстралингвистическим условием определения антропонимических изоглосс в монгольских языках. К данному явлению в историческом прошлом у монголов, бурят, калмыков мы обращаемся в соответствии с вышеозначенной темой.

С XVI–XVII вв. среди монголов получают массовое распространение имена тибетского происхождения, когда официально был принят в Монголии ламаизм по идеологическим мотивам. Т. Д. Скрынникова сообщает, что в условиях, когда господствовал шаманизм с массой родовых и территориальных культов, требовалось политическое единство всех монгольских племён и родов, и монгольские ханы Дзасакту и Тушету ввели ламаистскую церковь как интегрирующий фактор [18, с. 210]. Также автор пишет, что буддизм получил широкое и глубокое проникновение в общество монголов, особенно в высших слоях, среди феодальной власти.

Такое изменение в монгольском обществе ярко отражается на антропонимическом корпусе как по языку-источнику, так и в структуре. Так, в родословной таблице бурят рода доргоши галзут на 72 единицы тибетизмов приходится только 8 исконных. У моотгон харгана на 448 единиц тибетизмов – 86 исконных [20, с. 165–178]. В словаре личных имён монголов Ч. Соднома приводится следующее соотношение между исконными и тибетскими именами – 4277 на 2362. В структурном плане личные имена монголов получили многокомпонентность, включают в себя до шести компонентов: Лувсан-чойдов-наван-балжий-даш-цэрэн [19, с. 38].

Многочисленные монгольские роды и племена в Средневековье и позднее время переселялись по территории Китая, Прибайкалья, а также по приволжским просторам. В книге «Монголджин-у монгол обог кигед айил-ун нерес-үн судулал» говорится, что монгольские роды переселялись на территорию Китая в район Монголжин со времён Золотой Орды до XVII в., даётся список 147 родов. Так, переселение чахаров происходило под предводительством Тарайсан-хана, начиная с 1547 г., с ними же прибывали сунид, хэшигтэн, онгнигуд, адха, саган татар, хорчин [12, с. 1–3].

Интересно привести сведения о роде хорчин по данным летописей. В древние

времена хорчины в результате вытеснения звенками населяли Баргузин. В Хорчинском (Хорцинском) аймаке Внутренней Монголии Китая основное население – хорчины. Ветвь хорчин значится в составе второй сартольской группы селенгинских бурят [16, с. 37, 65, 66]. Там же указывается, что хорчины являются борджигинами. Хорчин есть и в самой Монголии. Интересно, что у бурят встречается имя *Хорчин*, от которого образована и функционирует фамилия *Хорчинов* (с. Сохондо Забайкальского края). Основные особенности системы личных имён таковы. Маньчжурская (Цинская) империя в истории монголов отразилась и на системе именования людей. Монголам насильственно присваивали фамилии по китайской традиции. Монгольские звуки оформлялись китайскими иероглифами, фамилии составляли по первому слогу генонима. Так, потомкам рода *хонгирад* присваивалась фамилия *Хонг*. Основу генонима (этнонима) переводили на китайский язык. Например, представителям ветви *агууладууд* присваивали фамилию *Шан*, поскольку в основе генонимического названия монгольское слово *агула* – «горы, скалы», а на китайский язык оно переводится как *шан*. Отсюда омонимичная данному слову фамилия [12, с. 25, 28, 65]. Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на подобные явления со стороны Китая, система личных имён сохранила свои исконные традиции именования. Это подтверждается по родословным таблицам. Китайские имена составляют всего 97 единиц на фоне буддийских имён в 1491 единицу, исконные – 1386, маньчжурские – 181.

Далее расскажем об эволюции имени бурят в связи с принятием буддизма. Так, селенгинские буряты – объединённые группы выходцев из Предбайкалья и Монголии. У первых – харанутов, ользоновцев, чернорудцев и других – сформировался северно-селенгинский говор, у последних – сартулов, сонголов, атаганов и других – южно-селенгинский говор. В современный период они исповедуют ламаизм. Вместе с тем по составу имен следует отметить, что проникновение буддизма в XVII–XVIII вв. не было триумфально лёгким. Инициировали принятие буддизма предводители родов. Бесспорно, исконные религиозные традиции народ меняет не одновременно. Также буряты стояли перед выбором между тремя

религиями. Это положение подтверждается фактами из «Бурятских летописей». Летописцы писали, что многие шаманы уверены, что следование Будде бесполезно, зло, горе направляют черти и онгоны [5, с. 14]. Сложное положение усугублялось в результате столкновения буддизма и царского правительства: «После посещения в 1871 году нашего края <...> сенатором Синельниковым были учинены многочисленные преследования буддистов. В этот промежуток времени русские миссионеры и крещенные инородцы (буряты) предали сожжению обо и бумханы <...>» [Там же, с. 52]. Также случалось такое, что некоторые священнослужители выходили из ламаистского сословия и принимали христианство (православие) [Там же, с. 113]. Однако их новые православные имена не приводятся.

Все эти осложняющие события наглядно отображаются в корпусе антропонимов в плане их языковых источников. Например, брат настоятеля Онон-Цугольского буддийского монастыря принял католицизм [Там же, с. 119], но его новое имя не значится. Замечается замена старого новым верованием в родословных коленах, например, *Павел Доржижабай* (буддизм на христианство), *Зандан Василиин*, *Юмжаб Иваанай*, *Галсан Нихитын* (христианство на буддизм) [Там же, с. 115, 125]. У священнослужителя Дамба-Даржа Заягын шаманистическое имя отца – *Зая*. Вероятно, *Зая* = *Зая(н)* «судьба». Среди верхоленских бурят, представителей рода шоно в то время было имя *Заяхай* с антропоформантом *-хай*.

Подобную картину можно увидеть у хоринцев и агинцев: *Тарба Жэгжэдэй* (буддизм на шаманизм), *Ринчин-Доржо* (он же *Николай*) – двоеверие, *Бадма Павлай* (православие на буддизм). Примечательно, у настоятеля дацана исконное имя – *Тунгалаг Шолхойн* [Там же, с. 119], бурят. *тунгалаг* – «прозрачный, светлый, ясный, чистый» и *шолхо(гор)* + формант *-ой* – «обвислый, обрюзгий (о лице)».

Имена буддийского происхождения среди селенгинских бурят широко распространяются в последующих поколениях. В двух-трех поколениях современности чаще присваиваются исконно бурятские имена и русизмы. Однако частотность номинации типа *Нимаев Даба Дагбаевич* сохраняется.

Среди представителей хоринского племени (Забайкалье) буддизм начал распро-

страняться с середины XVIII в., в то время как среди селенгинских бурят буддизм получил более раннее распространение. Начали строиться дацаны, и это строительство продолжалось до XX в. [8, с. 44].

Многокомпонентные формы, в составе которых наличествуют только тибетизмы, показывают, что широкое распространение нашли буддийские имена во многих последних поколениях: так, в пос. Хоринск – *Дашеев Намбар Дугарович* (1966 г. р.), *Дашинимаева Хандама Дымбрыловна* (1954 г. р.), *Гатыпов Гунгар Гармаевич* (1934 г. р.). С 30-х годов появляются заимствования – русизмы: *Чайбсонова Валентина Гуржаповна* (1930 г. р.), *Дондоков Демьян Дугарович* (1936 г. р.).

В Восточном Прибайкалье буддийское вероучение сохраняет основополагающую роль в процессе номинации людей. Инициативное созидательное применение буддийских канонов содействовало развитию культуры бурят, в частности, развитию старомонгольской письменности. Эта культура сказалась на антропонимии бурят Забайкалья, где наличествуют формы с формантом родительного падежа старомонгольского письменного языка *-о/-он/-ун* (*Рабдано*, *Жалсабон*) наряду с исконным формантом *-ай, -эй, -э* (*Бадмажабай*, *Эрдэмэ*), эти форманты имеют значение принадлежности (отцу). В западном Прибайкалье подобные формы редки (*Хадааханэ*, *Тумахани*).

О бурятах Присаянья (Окинский, Тункинский, Закаменский районы Республики Бурятия) отметим следующее. На данной территории многочисленными являются хонгодоры. В исторической и лингвистической науке детально исследуют их происхождение. Есть версия, что хонгодоры – это монголы [9, с. 10], другая версия – хонгодоры являются омонголившимся тюрками [6, с. 230], третья версия языковедов – хонгодоры – это буряты, аборигены Прибайкалья [15, с. 159, 160; 21, с. 156]. В данной ситуации более чем уместной становится методологическая идея Г. Ф. Миллера, которой руководствуются лингвисты при выдвижении своей версии: «Характеристическое различие народов, – писал он, – состоит не в нравах и обычаях, не в пище и промыслах, не в религии, ибо всё это у разноплеменных народов может быть одинаково, а у единоплеменных различно. Единственный безошибочный признак есть язык: где языки

сходные, там нет различия между народами, где языки различны, там нечего искать единоплеменности» [10, с. 31]. Ж. А. Зимин подтверждает версию о бурятском происхождении, указывая, что в родословных таблицах хонгодоров практически отсутствуют тибето-буддийские имена, которые в середине XVII в. были распространены в Монголии [7, с. 108].

В той или иной мере бурятский генезис хонгодоров поддерживается компонентами системы личных имён. В верхних поколениях родословий наличествуют исконно бурятские имена. Кроме того, стоит привести только один яркий пример: имя *Ухин* – «девушка, девица», где инициалом выступает переднерядный *у*, как и в его бурятской антропооснове, в то время как в монгольском языке ему соответствует *Охин*, а в калмыцком антропонимиконе – *Окн* [окън].

В родословных таблицах хонгодоров наличествуют имена тибетского происхождения в отрезках от двух до пяти колен, начиная со времени строительства дацанов на территориях их проживания. Так, Аларский дацан был построен в 1814 г., Кыренский (Тункинский) – в 1817 г., Койморский – в XX в. [8, с. 44]. И имена-тибетизмы присваивались в промежутках двух – пяти поколений, однако не во всех семьях. Также заметим, что в структурном плане они оригинальны по сравнению с восточно-бурятскими и монгольскими именами. Так, *Лобсон // Лубсан, Баваасан // Баасан, Панзар // Банзар, Ириншэй // Ринчин, Сагжа // Шагжа, Сэрэдэ // Сэрэн, Гомбол // Гомбо, Сэвээлэй // Сэвээн, Будал // Буда*.

Затем в последующих поколениях устоявшийся на фоне выше упомянутых событий антропонимикон у представителей хонгодорского племени круто меняется, исконные и тибетские имена уступают место русизмам.

Подобная картина эволюции антропонимикона у закаменских хонгодоров. В верхних коленах родословий имена предков только исконно бурятские [2]. В 90-х гг. простекала такая стадия развития их именика, что тибетско-санскритские имена отходили в пассив, сменяясь русизмами и исконно бурятскими компонентами [1, с. 217].

В некоторых семьях тункинских хонгодоров имена-тибетизмы сохраняются до 50-х гг. У семьи Комиссаровых, представителей родовой группы шоно (с. Хужир Тункинского

района Республики Бурятия), родословное древо выглядит так: *Тэбхэ → Шобхо → Баабуушха* (жен.) → *Комиссаар → Шүлтэм → Дагба → Дари* (жен., 1916 г. р.) → *Намсарай → Лобсон, Сэбэг-Доржо*. Далее следуют в основном русские имена, в настоящее же время есть тенденция присвоения исконно бурятских и тибетских имен (из беседы с информантом, потомком рода В. Д. Патаевой в г. Улан-Удэ в 2008 г.).

Если проводить параллель в одних и тех же временных отрезках в верхних поколениях, то в родословных таблицах как у хонгодоров, у бурят Западного Прибайкалья, так и у бурят Монголии и монголов Китая, можно выявить следующее: у первых – преобладание исконных, у последних – тибетско-санскритские формы. Вместе с тем у монголов чуть раннего периода, Средневековья, тибетизмы единичны, как свидетельствует об этом «Сокровенное сказание монголов» (*Их-Цэрэн*, § 154).

Джидинские сартулы переселились на территорию современного проживания в XVIII в. [4, с. 109] – они были буддистами ещё во время пребывания в пределах Монголии, 1749 год – время построения Джидинского дацана, т. е. он был построен после их переселения. Генеалогическая таблица сартулов свидетельствует об этом. Так, родословная таблица представителей сартульского рода Аюши и Рабдана, составленная Цыбик-Бадмой Лайдаповым в 1976 г., начинается с имён-тибетизмов. Она отражает вкрапления новых элементов в условиях бурятско-русского билингвизма. Соотношение имен по языку-источнику из общего количества в 848 именовании таково: бурятских – 191, русских – 32, буддийских – 625. Фиксируются русские параллели наряду с бурятскими и тибетскими формами у одного и того же денотата: *Аламжа* и *Александр, Доржи-Ханда* (жен.) и *Лида* (жен.). Приведём материалы генеалогической таблицы первого бурятского ученого Доржи Банзарова, потомка рода сартул [3, с. 223–224]. Имена раннего периода восходят к аппелятивным основам бурятского языка. Например, *Батан* – *бата* – «крепкий, надёжный, верный, постоянный»; *Далай* – «море, океан», *Табангут*, ср. *табан* – «пять». В последующих коленах представлены тибетско-санскритские имена. Интересно, что в следующем за Доржи

поколении значится имя *Занту*, ср. бурят. *зантуу* – «железное ведро, жестяной чайник», перен. бранное «дубина».

Дацан в Баргузине был построен в 1818 г. [8, с. 44], и с этого времени на протяжении пяти поколений наряду с бурятскими антропонимами наличествуют имена буддийского происхождения в системе личных имён баргузинских и курумканских бурят.

В генеалогических записях бурят, переселившихся из Верхоненья, Баяндая Иркутской области, ныне проживающих в Кижингинском районе Республики Бурятия, имена в верхних поколениях с шаманистической мотивацией, т. е. имеют в основе исконно бурятские апеллятивы (*Атарай, Баяндай*), в более поздние времена наличествуют в большом количестве тибетско-санскритские формы.

В 1912, 1918 гг. были построены дуганы в Боханском, Ольхонском районах Иркутской области [8, с. 44]. Однако буддийские имена немногочисленны в их родословиях. К примеру, представитель рода Буян Дурлай Семён присвоил сыновьям имена тибетского языкового происхождения *Сэбэг* и *Сэрэн* (1913 г. р.), а Алганай сына назвал именем *Доржо*, остальные его 8 детей имеют русские и бурятские имена, время их рождения – с 1908 по 1929 гг.

Построение Бильчирского дугана в Боханском районе в 1912 г. отразилось незначительно: среди бурят с. Бильчир тибетизмы – весьма раритетное явление. Например, *Иринсэй*, имя его сына *Ириншэн*; а *Цэбэг* назвал дочерей *Пооля, Ниина*, сыновей – *Саанька* и *Сереожо*.

Антропонимическая система эхиритских бурят не подверглась сколько-нибудь заметному влиянию тибетского ламаизма. В 1912 г. был построен Кырменский дуган, в 1918 г. – Харацинский, и в 1919 г. – Муринский [8]. У Иминохоевых с. Харбатово фиксируются имена типа *Доржо*. Именник эхиритов удерживает исконный пласт до начала XX столетия, которое знаменуется установлением власти советов, ликбезом, коллективизацией сельского хозяйства и т. д., которые принесли массу имён из русского антропонимикона.

С начала XVII в. предки современных калмыков переселяются из исконной родины Джунгарии, населяют степи Нижней Волги, Предкавказья и северную часть Ставропольского плато [22, с. 28]. Этноге-

нез калмыков характеризуется иноплеменными тюркскими и другими вкраплениями, которые подвергались ассимиляции западно-монгольской ойратской культурой. В духовном, т. е. религиозном плане, ойраты следовали буддийскому вероучению ещё до их переселения в европейскую часть России, т. е. во время пребывания на исконной территории Монголии.

И буддийские имена нашли своё распространение среди предводителей калмыцких родов и т. д. У. Э. Эрдниев даёт об этом исторические сведения. *Дондок-Омбо* женился на кабардинке *Джане* [Там же, с. 45]. Во главе со старшим сыном *Чакдоржапа*, внуком *Аюки Баксадаем Дорджи* в 1744 г. переселились три тысячи калмыков. Калмыцкий предводитель принял крещение и получил имя *Петра Тайшина* [Там же, с. 49]. А. М. Позднеев приводит весьма ценное свидетельство. Буддийские священнослужители присваивали оригинальные имена людям избранным из высшего сословия. Так, дочери халхасского хана Тушету дали имя *Данар*, которое священнослужители образовали от начальных слогов названий месячного гарака луны *да-ва* и звезды *нарма*, правившей в момент рождения девочки. Также имя *Данар* носила младшая сестра калмыцкого хана *Дондук-Даши* [14, с. 420]. При чтении исторической, этнографической литературы о калмыках благодаря наличию в них буддийских имён возможно судить о состоянии именника того времени.

Современное состояние калмыцкого именника характеризуется сравнительно небольшим количеством имён тибетско-санскритского происхождения. В словаре М. У. Монраева [13] подсчитано нами 167 тибетизмов из общего числа в 2415 единиц.

В результате краткого обзора исторических явлений, имевших значительное место в жизни монгольских народов, – расселения, верований – можно прийти к следующим выводам. Сначала нужно отметить, что предметом нашего исследования являются антропонимические системы только сложившихся наций – монгольской, бурятской, калмыцкой.

Религиозные воззрения (распространение, принятие, вероисповедания), а также историческое расселение, освоение земель монгольских народов имеют сложную в плане познания картину. Буддийское вероисповедание на протяжении с конца

XVI – начала XVII в. по настоящее время у одних закономерно повлекло за собой замену большей части исконных имён, у которых в основе образования и выбора для новорождённых шаманистическая мотивация, поклонение буддизму в течение всего лишь двух – пяти колен, в то время как сохранялась исконная религия и происходило принятие христианства православного толка. Массово проникали в состав антропонимикона имена-русизмы. И закономерным оценивается возникновение необходимости классификации системы номинации в монгольских языках, «вычерчивания» в них зон, изоглосс. Профессор А. Г. Митрошкина разграничила антропонимические зоны или диалекты в бурятском языке [11, с. 15–21], выявила общебурятские личные имена, а также имена или формы имён, характерные только для конкретного региона. Общебурятские или имена, распространённые по всей территории этнической Бурятии, являются инвариантной, постоянной, универсальной, т. е. интегрирующей частью всей системы личных имён бурят. Автор выделяет два антропонимических диалекта в бурятском языке: восточно-бурятский (территория, где исповедуется буддизм) и западно-бурятский (буряты Предбайкалья в основной массе сохраняли исконную религию – шаманизм, а также это территория, где имело место распространение христианства).

На материале нарицательной лексики в монголистике были попытки определения изоглосс, диалектов, классификация монгольских языков в целом. С начала XX в. по настоящее время монголоведы обращают внимание на проблему классификации монгольских языков. Г. Д. Санжеев отмечает, что проведённая классификация на восточную, западную и северную группу монгольских языков и диалектов не выдерживает оппонирования в плане обоснования, такие представители монгольского мира, как дагуры, монголы, дунсяне, баоане и афганские монголы, пребывали и пребывают в абсолютной обособленности от других монгольских народов, а их языки оказались под исключительно сильным влиянием окружа-

ющих их языков. И их представление в изоглоссах должно быть рассмотрено в особом порядке [17, с. 95, 96].

Разграничение зон, изоглосс в системе личных имён у монгольских народов лучше проводить с учётом уже имеющихся классификаций языков, территориальных диалектов на основе структурных особенностей: фонетических, грамматических и лексических. На наш взгляд, как сказано выше, оптимальным обоснованием для определения антропонимических изоглосс в монгольских языках должны выступать расселение и вероисповедания: имятворчество и номинация личными именами у них носит религиозную мотивированность.

Итак, можно выделить четыре антропонимические зоны (территории, изоглоссы) в монгольских языках, а в основе данного разделения – время продолжительности буддийского вероисповедания: I. Территория, где на протяжении многих веков исповедуют буддизм. Эту зону представляет антропонимическая система собственно монголов, бурят Монголии, монголов аймака Монголджин (на границе Китая и Монголии), система личных имён селенгинских, хоринских, баргузинских бурят. II. Территория (зона) кратковременного распространения буддийского вероучения – антропонимия аларских, боханских бурят Иркутской области. Антропонимикон бурят Присяянья можно отнести в эту зону. III. Калмыцкая антропонимия представляет собой своеобразную систему как исконных личных имён, так и форм имён буддийского происхождения. IV. Территория (зона), где мотивированность номинаций имеет шаманистический характер, а также это зона христианских вкраплений – территория проживания бурят в Иркутской области, кроме указанных во второй зоне. Когда предпринимается сравнительное исследование исконного пласта личных имён у монгольских народов, антропонимическая зона IV для нас является оригинальным эталоном. Антропонимия дагуров, монголов, дунсян, баоаней, афганских моголов является предметом специального научного исследования.

Список литературы

1. Бабуев С. Д. Из антропонимии закаменцев // Филологический сборник. Улан-Удэ, 1998. С. 216–218.
2. Бабуев С. Д. Из родословных закаменских бурят. Закаменск, 1993. 24 с.
3. Банзаров Д. Собрание сочинений. Улан-Удэ: БИОН СО РАН, 1997. 239 с.
4. Бураев И. Д. Сартульский говор // Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. Вып. 1. С. 108–150.

5. Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995. 198 с.
6. Дугаров Д. С. К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1993. С. 207–235.
7. Зимин Ж. А. К вопросу о выходе хонгодоровских родов из Монголии и их расселение в Алари // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ, 1983. С. 102–113.
8. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века. Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова [и др.]. Новосибирск: Наука, 1983. 235 с.
9. Мельхеев М. Н. Карты расселения и перемещения бурятских родоплеменных групп по данным топо- и этнонимии // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1974. Вып. 6. С. 3–27.
10. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. 607 с.
11. Митрошкина А. Г. Бурятская антропонимия. Новосибирск, 1987. 224 с.
12. Монголджин-у монгол обог кигед айил-ун нерес-үн судулал / ред. Гоолбагана, Тогтанбаяр, Агула, Тунггалан, Гэрэлту. Улагананда, 1991. 603 н.
13. Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста: Герел, 2012. 253 с.
14. Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1887. 493 с.
15. Рассадин В. И. Присаянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. 217 с.
16. Румянцев Г. Н. Баргузинские летописи. Улан-Удэ, 1956. 100 с.
17. Санжеев Г. Д. Изоглоссы в монгольских языках // Mongolica: памяти академика Б. Я. Владимирцова (1884–1931). М.: Наука, 1986. С. 91–96.
18. Скрынникова Т. Д. О политической организации Халхи (вторая половина XVI–XVII в.) // Mongolika: памяти академика Б. Я. Владимирцова (1884–1931). М., 1986. С. 201–212.
19. Содном Ч. Монгол хүний нэрийн тухай // Монголын судлалын зарим асуудал (Studia Mongolika, T. IV. F. 14). Улаанбаатар, 1964. Н. 27–134.
20. Сумьяабаатар. Буриадын угийн бичгээс (Studia Ethnografica. T. III. F. 2). Улаанбаатар, 1966. 315 н.
21. Цыдендамбаев Ц. Б. Этническое прошлое закаменских бурят по данным исторических легенд // Краеведение Бурятии. Улан-Удэ, 1979. С. 153–156.
22. Эрдниев У. Э. Калмыки: историко-этнографические очерки. Элиста, 1980. 284 с.

References

1. Babuev S. D. Iz antroponii zakamentsev // Filologicheskii sbornik. Ulan-Ude, 1998. S. 216–218.
2. Babuev S. D. Iz rodoslovykh zakamenskikh buryat. Zakamensk, 1993. 24 s.
3. Banzarov D. Sbranie sochinenii. Ulan-Ude: BION SO RAN, 1997. 239 s.
4. Buraev I. D. Sartul'skii govor // Issledovanie buryatskikh govorov. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1965. Vyp. 1. S. 108–150.
5. Buryatskie letopisi. Ulan-Ude, 1995. 198 s.
6. Dugarov D. S. K probleme proiskhozhdeniya khongodorov // Etnicheskaya istoriya narodov Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii. Novosibirsk: Nauka, 1993. S. 207–235.
7. Zimin Zh. A. K voprosu o vykhode khongodorovskikh rodov iz Mongolii i ikh rasselenie v Alari // Etnicheskie i istoriko-kul'turnye svyazi mongol'skikh narodov. Ulan-Ude, 1983. S. 102–113.
8. Lamaizm v Buryatii XVIII – nachala XX veka. Struktura i sotsial'naya rol' kul'tovoi si-stemy / G. R. Galdanova [i dr.]. Novosibirsk: Nauka, 1983. 235 s.
9. Mel'kheev M. N. Karty rasseleniya i peremeshcheniya buryatskikh rodoplemennyykh grupp po dannym topo- i etnonimii // Etnograficheskii sbornik. Ulan-Ude, 1974. Vyp. 6. S. 3–27.
10. Miller G. F. Istoriya Sibiri. M.; L., 1937. 607 s.
11. Mitroshkina A. G. Buryatskaya antroponimiya. Novosibirsk, 1987. 224 s.
12. Monggoldzhin-u monggol obog kiged aiil-un neres-yn sudulal / red. Goolbagana, Tog-tanbayar, Agula, Tunggalan, Gerelty. Ulagananda, 1991. 603 n.
13. Monraev M. U. Kalmytskie lichnye imena (semantika). Elista: Gerel, 2012. 253 s.
14. Pozdneev A. M. Ocherki byta buddiiskikh monastyrei i buddiiskogo dukhovenstva Mon-golii v svyazi s otnosheniyami sego poslednego k narodu. SPb., 1887. 493 s.
15. Rassadin V. I. Prisyanskaya gruppa buryatskikh govorov. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 1996. 217 s.
16. Rumyantsev G. N. Barguzinskie letopisi. Ulan-Ude, 1956. 100 s.
17. Sanzheev G. D. Izoglossy v mongol'skikh yazykakh // Mongolica: pamyati akademika B.Ya.Vladimirtsova (1884–1931). M.: Nauka, 1986. S. 91–96.
18. Skrynnikova T. D. O politicheskoi organizatsii Khalkhi (vtoraya polovina XVI–XVII v.) // Mongolika: pamyati akademika B.Ya. Vladimirtsova (1884–1931). M., 1986. S. 201–212.
19. Sodnom Ch. Mongol khynii neriin tukhai // Mongolyn sudlalyn zarim asuudal (Studia Mongolika, T. IV. F. 14). Ulaanbaatar, 1964. N. 27–134.
20. Sum'yaabaatar. Buriadyn ugiin bichgees (Studia Ethnografica. T. III. F. 2). Ulaanbaatar, 1966. 315 n.
21. Tsyendambaev Ts. B. Etnicheskoe proshloe zakamenskikh buryat po dannym istoricheskikh legend // Kraevedenie Buryatii. Ulan-Ude, 1979. S. 153–156.
22. Erdniev U. E. Kalmyki: istoriko-etnograficheskie ocherki. Elista, 1980. 284 s.

Статья поступила в редакцию 13.01.2015